

Часам з напісанага У. Караткевічам бачная крытычная ацэнка, што даваў Максім Танк маладому пісьменніку, які і сам прызнаваў такую патрэбу. Вось як ён піша ў лісце ад 26 мая 1956 г.: «З крытыкай Вашай на «Кастальскую крыніцу» і «Прадмову» цалкам згодзен. І я буду шмат працаваць, каб гэтай лухты было ўсё меней».

Цікавыя гэтыя лістоўныя дакументы і тым, што тут аўтар прызнае сваё благое веданне на той час беларускай літаратурнай мовы: «Т<аварыш> Вялюгін кажа пра маю кепскую мову. Я гэта сам ведаю, але ж скуль мне яе ўзяць, добрую мову? Я выжываю памылкі, але проста з крывёю. Орша адносна мовы наогул не заповітная зямля. Там шмат русіцызмаў, там блытаюць канчаткі роднага і, часам, меснага склону і г. д.» [ліст ад 27 мая 1956 г.]

Ужо адсюль вынікае, што сам малады пісьменнік разумее патрэбу рэдагавання яго мовы і стылю, што цяпер часам можа крытычна ўспрымацца некаторымі прыхільнікамі яго творчасці, якія эмацыяна закідаюць: «вы ж правіце Караткевіча!», «не чапайце Караткевіча»...

У апошнім лісце ад 17 чэрвеня 1957 г. У. Караткевіч так завяршае сваё пасланне, нібы развітваючыся: «Прабачце за бруд. У хаце робіцца генеральная прыборка, мужыкоў павыганялі, і я пішу на калене, седзячы ў лопухах пад кустамі.

Бывайце, дарагі Яўгені Іванавіч. Жадаю вам вялікіх творчых поспехаў, здароўя і шчасця.

Ваш Уладзімір».

Такім чынам, асоба Максіма Танка стала для маладога пісьменніка прыкладам, аўтарытэтам. Парады старэйшага літаратара, як і заўвагі некаторых іншых вядомых пісьменнікаў, якім пісаў У. Караткевіч, дапамагалі разабрацца, знайсці патрэбнае для сябе, набыць сталасць.

Вядома, што шмат якія моманты ў гісторыі асабістых сувязяў паміж Максімам Танкам і Уладзімірам Караткевічам канулі ў Лету. Але пры далейшых даследаваннях, вывучэнні архіўных дакументаў мы знойдзем новае, цікавае для нас з гэтай творчай гісторыі.

Літаратура

1. Верабей, А. Л. Максім Танк і польская літаратура / А. Л. Верабей. – Мінск : Навука і тэхніка, 1984. – 120 с.
2. Верабей, А. Л. Максім Танк і Уладзімір Караткевіч / А. Л. Верабей // Танкаўскія чытанні : матэрыялы навук. канф., прысв. 85-годдзю з дня нараджэння народнага паэта Беларусі Максіма Танка. – Мінск : БДПУ, 1998. – С. 41–48.
3. істы Уладзіміра Караткевіча // Маладосць. – 1987. – № 1.

Н. Ф. Калютчик (Беларусь)

К ПРОБЛЕМЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ «КОНФЛИКТ» В ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКОЙ НАУКЕ

Термин «конфликт» широко используется в литературоведческой науке, и интерес исследователей к изображению конфликта в искусстве слова не ослабевает. Связано это, вероятно, с той ролью, которую литературоведы видят в нем: «Конфликт – важное средство утверждения принципа развития, динамики жизни» [13, с. 16].

Обратимся к наиболее репрезентативным определениям конфликта. Среди них можно выделить следующие значения: 1) столкновение действующих

в произведении сил [4; 12, с. 75; 8, с. 152]; 2) противоречие, реализуемое в борьбе [13, с. 17]; 3) противоречие, образующее сюжет [6].

Как видим, первая дефиниция понимает под конфликтом некие отношения персонажей, их групп, персонажа с миром, а также сил, действующих в душе персонажа. Во втором случае, очевидно, имеется в виду нелогическое противоречие – «противоречие реально действующих систем» [9, с. 52], т.е., как и в первом определении, речь идет об отношениях, причем эти отношения уже конкретизируются как борьба. Третья дефиниция определяет конфликт через сюжет. Согласно ей конфликт образует сюжет.

Сюжет в литературоведческой науке, как известно, принято связывать с событием: он понимается как «художественное осмысление и организация событий» [14, с. 14]. Мысль о том, что конфликты способны «превращаться в сюжет» вскользь высказана в «Нарратологии» В. Шмида [15, с. 52]. И тот факт, что ученый атрибутом сюжета считает событие [15, с. 14], позволяет сделать вывод: событие образует сюжет. Таким образом, конфликт, с точки зрения 3-го определения, правомерно рассматривать в соотносительных связях с событием.

В. Шмид, определяя событие, опирается на понятие сюжета по Ю. Лотману. Для Ю. Лотмана сюжет есть там, где наличествует неожиданное изменение исходной ситуации: «Фиксация однократных и случайных событий, преступлений, бедствий – всего того, что мыслилось как нарушение некоторого искомого порядка, – представляла собой историческое зерно сюжетного повествования» [15, с. 225–226]. В. Шмид, в свою очередь, фундаментальным признаком события считает неожиданность – иными словами, непредсказуемость [15, с. 17]. Событие как непредсказуемое необратимое изменение передается в приводимой ученым схеме Артура Данто, наглядно изображающей «условие всякой наррации» [15, с. 14]. Суть схемы заключается в изменении состояния субъекта X, в ней под $t - 1$, $t - 2$, $t - 3$ понимаются три момента времени, соответствующие трем состояниям этого субъекта, т. е. персонажа:

- (1) X is F at $t - 1$
- (2) H happens to x at $t - 2$
- (3) X is G at $t - 3$ [15, с. 14].

Как видим, субъект X в результате некоей ситуации, соответствующей моменту времени $t - 2$, изменяет свое состояние с F на G (момент $t - 2$ отражает переходное состояние, поэтому мы говорим не о двух, а о трех состояниях). Это изменение является необратимым, ибо в момент $t - 3$ субъект X уже не то, чем он был в момент $t - 1$. В. Шмид, определяя понятие события, подчеркивает эту необратимость [15, с. 18]. Изменение состояния субъекта, по В. Шмиду, характеризуется также релевантностью, т.е. оно должно быть значимым по меркам художественного мира произведения [15, с. 16]. Таким образом, событие – это релевантное изменение состояния персонажа (мы полагаем, что необратимость является необходимым условием релевантности, в силу чего эту характеристику в своем определении опускаем).

Итак, анализ определения конфликта как «противоречия, образующего сюжет», позволяет заключить: конфликт связывается с релевантным изменением состояния персонажа (добавим: ситуации или мира).

Обобщая анализ имеющихся в литературоведении определений, сделаем вывод. Под конфликтом в литературоведении понимается:

- 1) отношения действующих в произведении сил;
- 2) борьба;
- 3) релевантное изменение состояния персонажа (ситуации или мира).

Данные определения все исходят из общей философской посылки – представлении о миметической природе искусства слова, ибо и отношения сил

(в произведении – персонажей), и борьба, и релевантное изменение человека (в искусстве слова – героя) имеют место в реальной жизни. В силу того, что в произведении как мыслительной модели в числе прочего находит отражение и конфликт, подход к изучению последнего с точки зрения мимесиса А. Г. Погрибный справедливо назвал моделирующим [7, с. 16].

Кроме моделирующего, А. Г. Погрибный выделяет структурно-образный подход. Термин отражает попытку исследователей взглянуть на конфликт с позиции структуры произведения. В современном литературоведении такую попытку предприняли А. Г. Коваленко и его последователи. Они понимают под конфликтом «систему всех антиномических структурно-семантических оппозиций в художественном произведении» [3, с. 12]. Данные исследователи в своих работах применяют так называемую методику выделения в тексте бинарных структур: например, тело – душа, свет – мрак, земля – вода, верх – низ, добро – зло, движение – неподвижность [2, с. 33]. Как видно, данные пары представляют собой противоположности, отсюда их терминологическое обозначение: оппозиции (от лат. *oppositio* – противоположение). Но само понятие бинарной оппозиции нуждается в уточнении, ибо не ясен критерий противоположения, на что указывает Л. Г. Кихней в своей рецензии на монографию А. Г. Коваленко [1, с. 176–177].

Проблема дефиниции наиболее очевидно обнаруживается в дискуссионности вопроса о конфликте в лирике. Сторонники «лирического конфликта» видят в данной категории некий «универсальный рычаг в развертывании любого текста» [11], противники же признают только «сюжетный конфликт (о связи конфликта с сюжетом в литературоведческом дискурсе – см. выше. – Н. К.)» [там же]. Необходимо отметить, что размышления на эту тему носят неточный характер. В качестве иллюстрации приведем фрагмент статьи А. Н. Семёнова «Роль конфликта в структуре художественного текста»: «Однако современное видение конфликта в художественном тексте позволяет утверждать, что конфликт – это не обязательно только столкновение, но и характер взаимоотношений, состояние. Если с этим не согласиться и понимать конфликт исключительно как столкновение, то, к примеру, в лермонтовском «Выхожу один я на дорогу...» конфликта как такового нет. А он между тем заявлен в самой процитированной строке, в числительном «один», которое отражает то, как лирический герой осознает сущность своего состояния, положения во времени и пространстве» [10, с. 53]. Очевидно, что отсутствие точного определения конфликта не позволяет автору аргументировать свою точку зрения. Если же мы обратимся к имеющимся определениям, проанализированным нами (см. выше), то увидим, что они не функциональны, т. е. не дают инструментария для анализа стихотворения. Так, если попытаться воспользоваться 1-м определением (отношение действующих сил), мы убедимся, что здесь действительно имеют место отношения героя с миром, на что справедливо указывает А. Н. Семёнов, но, очевидно, не всякие отношения являются конфликтом. Неверным является утверждение о том, что герой борется с миром (2-е определение), равно как и о том, что он претерпевает релевантное изменение своего состояния (3-е определение).

Литература

1. Кихней, Л. Г. [Рецензия] / Л. Г. Кихней // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. – 2011. – № 5. – С. 175–180. – Рец. на кн.: Коваленко, А. Г. Очерки художественной конфликтологии: Антиномизм и бинарный архетип в русской литературе XX века / А. Г. Коваленко. – М.: РУДН, 2010. – 491 с.
2. Коваленко, А. Г. Очерки художественной конфликтологии: Антиномизм и бинарный архетип в русской литературе XX века / А. Г. Коваленко. – М.: РУДН, 2010. – 491 с.

3. Коваленко, А. Г. Художественный конфликт в литературе XX века.: структура и поэтика: дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.08; 10.01.01 / А. Г. Коваленко. – М., 1999. – 391 л.
4. Конфликт // Литературный энциклопедический словарь [Электронный ресурс] / Под редакцией В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. – Режим доступа: <http://niv.ru/doc/encyclopedia/literature/articles/66/konflikt.htm>. – Дата доступа: 23.12.2019.
5. Лотман, Ю. М. Избранные статьи : в 3 т. / Ю. М. Лотман. – Таллин : Александра, 1992. – Т. 1 : Статьи по семиотике и топологии культуры. – 247 с.
6. Луков, В. А. Конфликт в литературном произведении [Электронный ресурс] / В. А. Луков // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». Сер. Филология. – 2010. – № 5. – Режим доступа: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2010/5-Lukov_VI. – Дата доступа: 24.03.2020.
7. Погрибный, А. Г. Художественный конфликт и развитие современной советской прозы / А. Г. Погрибный. – Киев : Вища школа, 1981. – 200 с.
8. Рагойша, В. Тэорыя літаратуры у тэрмінах : дапам. / В. Рагойша. – Мінск : Беларуская Энцыклапедыя, 2001 – 384 с.
9. Светлов, В. А. Введение в конфликтологию : учеб. пособие / В. А. Светлов. – М. : ФЛИНТА НОУ ВПО «МПСУ», 2014. – 520 с.
10. Семёнов, А. Н. Роль конфликта в структуре художественного текста [Электронный ресурс] / А. Н. Семёнов // Вестник угроведения. Сер. Филология. – 2011. – № 2 (5). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-konflikta-v-strukture-hudozhestvennogo-teksta/viewer>. – Дата доступа: 13.12.2019.
11. Федотов, О. Динамика поэтического мира [Электронный ресурс] / О. Федотов // Литература. – 2002. – № 15. – Режим доступа: <https://lit.1sept.ru/article.php?ID=200201505>. – Дата доступа: 17.11.2019.
12. Фесенко, Э. Я. Теория литературы : учеб. пособ. / Э. Я. Фесенко. – 3-е изд., доп. и испр. – М. : Академический Проект; Фонд «Мир», 2008. – 780 с.
13. Хомякова, О. Р. Конфликт в художественном мире А. С. Пушкина / О. Р. Хомякова. – Минск : БГПУ, 2004. – 231 с.
14. Хомякова, О. Р. Теория литературы : учеб. пособие / О. Р. Хомякова. – Минск : РИВШ, 2013. – 360 с.
15. Шмид, В. Нарратология / В. Шмид – М. : Языки славянской культуры, 2003. – 312 с.

Г. А. Камлевич (Беларусь)

ВЕРЛИБР В ЛИРИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ Е. ГОРОНА

Современная поэзия, несомненно, обладающая спецификой, связанной с изменениями, происходящими в общественной жизни, продолжает литературные традиции, характеризуется наличием потенциала, который позволяет посредством верлибра продемонстрировать многогранность внутреннего мира современного человека. Это проявляется и в творчестве Е. Горона – молодого белорусского поэта, финалиста российской литературной премии «Лицей».

Сегодняшний интерес к верлибру определяется тем, что «в условиях тотальной неопределенности, когда даже произведение «лишается онтологического статуса», т.е. собственно непонятно, что считать произведением искусства», свободный стих «имманентен самому контексту неопределенности» [1, с. 150].

Существуют различные подходы к представлению феномена верлибра. Ю. Б. Орлицкий отмечает, что «верлибром (свободным стихом) называется самостоятельный тип (система) стихосложения, возникающий на определенном этапе развития версификационной культуры и характеризующийся принципиальным отказом от всех вторичных стихобразующих средств: рифмы,